

УДК 316:313.33

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Н.В. Чиркова

Томский политехнический университет
E-mail: allaphil@mail.ru

В качестве основных стратегических ориентиров современной педагогической деятельности называются новые культурно-антропологические характеристики современной личности. Традиционное определение личности как целостности и стабильности психического и мировоззренческого склада в современных условиях инновационного развития не является адекватным. Такая личность не обладает гибкостью мышления, умением принимать нестандартные решения, быстро ориентироваться в ситуациях неопределённости развития, она не способна идти на риск в деятельности и поведении. Автор предлагает переопределение классического определения личности. Названные характеристики определяются в качестве основных вех в конструкциях современной педагогической антропологии.

Ключевые слова:

Общество знания, тип личности, гибкость мышления, нестандартные решения, ситуации неопределённости, риск.

В современной философской и педагогической [1–4] литературе свидетельствуется приход в систему образования нового антропологического типа — личности с высоко развитым интеллектом, гибким умом, способным адаптировать социокультурные и научные инновации. Педагогическая же деятельность, активно разрабатывая и усваивая технологические приёмы, не всегда учитывает современный портрет обучающегося и по-прежнему ориентируется на принципы стабильности и предметной энциклопедичности преподавания. Доминанта технологических ориентиров педагогики в условиях инновационного развития не просто оказывается неадекватной, но в своей направленности на трансляцию прошлых состояний знания и культуры способствует консервации социального движения. Указанное противоречие обуславливает серьёзную социальную и педагогическую проблему, требующую своего решения. Одним из векторов такового является поворот современной педагогики, рассматривающей себя в качестве технологии усвоения знания, к педагогике, полагающей приоритетными антропологические ориентиры.

Принципиальные изменения в типе социокультурного развития, связанные с переходом современного глобализирующегося мира к новому этапу постсовременного развития — к обществу знания, не могли не сказаться на культурно-антропологических ориентирах и стратегиях образования. Российская педагогическая общественность замечает серьёзные трудности, связанные с необходимостью познания новой личностной структуры, ценностей и мотивационных установок того человека, который сегодня приходит в образование. Трудности (как это ни странно) вызываются тем либерализмом социального состояния, свидетелями которого мы являемся и который убрал принцип социальной и государственной заданности общественных и культурных идей, правил, норм и образцов. Либерализм, допуская возможность не единства, но множества идеалов и стратегий развития, воздействует на образование, которое трансформируется,

уходя от унифицированности собственной работы и становясь институцией, открытой в мировое образовательное пространство. Как и общество в целом, оно подвергается процессам диверсификации перенимает характеристики динамичности, увеличения степени сложности развития, принципиальную изменчивость стратегий, возможность принятия вариативных и даже альтернативных педагогических концепций.

Аналогичные изменения происходят и в антропологическом видении, которое теперь также исходит из отрицания всяческого единства — единства человеческой сущности, в том числе. С точки зрения классического видения человека, данное утверждение кажется невозможным, парадоксальным и бессодержательным. В предлагаемой статье внимание будет привлечено к тому, чтобы понять и раскрыть его смысл, педагогическое значение и обосновать необходимость изменения традиционных для нашего образования антропологических установок в сторону их соответствия современному социальному состоянию — обществу знания. Вопросы, которые предстоит решить, состоят в том, чтобы объяснить, что значит «отсутствие единой человеческой сущности» и какое это имеет значение для современной педагогической деятельности.

Итак, какие изменения в обществе повлекли за собой изменения в видении человека, его сущности и формах существования?

В социологической, политологической и философской литературе констатируется, что к середине XX в. в мире возникло беспрецедентное социальное состояние. Беспрецедентность обнаруживает себя в его абсолютной неустойчивости. Современное общество называют «постиндустриальным», «постсовременным», «посттрадиционным», «постмодерном» и т. п. «Пост» — это, во-первых, констатация динамики, постоянства движения, непрерывности изменений, обуславливающих состояние социальности всегда в ситуации «после себя». Во-вторых, частица фиксирует современность

в её неподчинении рациональному выстраиванию. «Пост-» – это указание на возможность не единственно выверенного пути, но самых различных, непрогнозируемых и непредсказуемых, направлений развития.

Одним из главных факторов, оказавших влияние на социальную динамику, стала констатируемая сегодня трансформация знания. Оно превратилось в информационное состояние и как таковое приобрело признак постоянной динамики, потеряло связь с устойчивостью, общезначимостью и абсолютностью классически понимаемой истины. Проникая в социальные структуры, информация стала способом их развития, что и даёт основание говорить о современном социальном состоянии как о наступлении общества знания. Находясь в непрестанном движении и изменении, информация приводит в адекватное себе состояние социальность в целом. Общество знания – это живая социальность, отбросившая стабильность и превратившаяся в самоорганизацию отношений, коммуникацию различных социальных структур и институтов. Репрезентативно представ движением, оно утратило предметность и тем самым выбило твёрдую почву из-под ног человека. Оказавшись в ситуации необходимости выживания в «беспочвенности» постоянного движения, человек ищет точку опоры. За таковую он принял знание как информацию, ибо владение им (ею) сегодня даёт гарантию жизни.

Будучи связанным с производством и воспроизводством знания, современное образование приобретает значение той социальной структуры, которая становится ответственной за подготовку и формирование личности, адекватной характеру и типу современного социокультурного развития. Эта задача в обществе знания является чрезвычайно трудной, ибо образование, как и прочие социальные институты, теперь тоже живёт по принципу «пучка развития», отказываясь от доминанты одного якобы единственно необходимого направления и пути. Сегодня оно признаёт возможность реализации различных направлений развития. В таком признании устраняется авторитет центральной структуры, которая могла бы логически выверить и указать на единственно верный вектор движения.

С точки зрения классического мышления, утрата логики означает наступление кризисного этапа в развитии, когда вместо одного зовущего идеала приходит их соблазняющее множество. Современный кризис выразился в появлении множества принявших равную силу идеалов и образов, что и лишило образование возможности однонаправленного движения к какому-то одному из них. Кризис, однако, обнаруживает себя сегодня амбивалентно. С одной стороны, трудность кризисного состояния состоит в сложности ответственных решений, связанных с возлаганием на самого человека проблемы выбора того или иного образа. С другой, – кризис оборачивается свободой, ибо человеку дей-

ствительно предоставляется возможность самостоятельного движения.

Социальные и информационные трансформации, конечно, имеют антропологические следствия, которые сказываются в образовании. Они связаны с тем, что информационное общество в калейдоскопичности своих изменений приобретает внепредметный, знаковый, не имеющей вещного референта характер. Во внепредметности оно предстаёт технологически манипулятивным, когда человек оказывается в реальности рекламы, пиара, массмедиа и прочих современных технологий. Информационные потоки, симулякры и симуляции вынуждают его отказываться от устойчивости, цельности и единства сущностного состояния и приводят к необходимости постоянной адаптации к непрерывно меняющимся жизненным ситуациям и контекстам, истинам и образцам, канонам и нормам. «Человек, бегущий по тонкому льду», «Пловец на серпинге», «Человек цвишенс (колеблющийся)» – всё это метафоры из современного словаря. Адаптация и принятие ценностей, ориентаций и правил через их перманентный выбор и изменение становится нормой жизненных стратегий современного человека. Его удел – фрагментарность, отказ от сущности и целостности существования, кризис идентичности, постоянство адаптивных изменений.

Следует констатировать, что в образование пришла новая личность. Её основные характеристики фиксируются в понятиях «игры», «маски», «переодевания», подчёркивающих утрату личностной сущности и стабильности. «Как бы личностное», существование – удел и прерогатива современного человека, находящего себя лишь в движении, «скольжении», и стирающих сущность изменений. Личностная целостность растворяется, утрачивается классическое стремление к высокому духовным образцам и нормам. Жизнь приобретает ситуационные контекстуальные цели, фрагментируется, обуславливается не движением к абсолюту, но подчинением соблазну симулякров. Человек не может о-предел-ить себя, ибо исчезли всяческие пределы, границы и рамки, подверглись деструкции идеалы. Культура требует переосмысления, личностная идентичность переопределяется, всё неустойчиво и находится в постоянстве переописания целостности. XX в. знает человека в нецелостности и разноголосной ориентации и нецелостности его «Я».

Каким в таких концептуальных подходах может быть увидено образование? Каково назначение современного педагога – детоводителя?

Только что высказанные характеристики современной культуры не говорят о ней ещё всей правды. На самом деле культура общества знания как постсовременного и информационного чрезвычайно антропогенна, что принципиальным образом отличает её от технократизма индустриальных обществ. Сегодня говорят об эре индивидуализа-

ции, персонификации, самоопределения. Всё это даёт основание разобратся в реальности образования, его новых стратегиях и установках. Личностно-ориентированное образование, компетентностный подход, «Я – концепция» и т. п. – всё это из сферы современной образовательной терминологии, которая, кажется, явно противоречит описанному выше плану современного социокультурного развития.

Так, Х. Ортега-и-Гассет считает [5], что смысл современного процесса персонализации – в разрыве с дисциплинарным, универсально ригористическим, принудительно идеологическим обществом, когда происходит ломка дисциплинарной социализации и осуществляется адаптация человека к гибкому обществу, основанному не на фундаменте какой-то одной сущности или истине, но одновременно на всех элементах повседневной жизни: вплоть до поощрения растущих потребностей, культ личности, учета «человеческих факторов», естественности поведения, праздничности и спортивности настроения [5. С. 225–228]. По Ж. Липовецки [6], первичным фактором жизни следует считать «личное желание» [6. С. 10], по Ж. Бодрийяру, – «соблазн» [7], свободный выбор индивида, идет ли речь о производственном процессе в материальной сфере, об органах ли муниципального управления, о врачебном ли деле или об образовании человека. Современная культура позволяет существовать любым способом жизнеутверждения, любым вкусам. Свобода и гуманизм стали ценностью, хотя и не в смысле гуманизма эпохи Возрождения. Они не направлены на раскрепощение титанических покорительских сил человека по созданию проектов, направленных на совершенствование общественного устройства, или на научный и технический прогресс. Современный гуманизм скромнее и тише, он приемлет человека повседневности, потребителя, наполняющего свою кошелку; отпускника, колеблющегося между пребыванием на испанских пляжах и жизнью в кемпинге на Корсике [6. С. 10]

Современные формы гуманизма продуктивны в своих действиях, способствуют поискам новой личностной идентичности и индивидуальности, мобильности и активности. Они предлагают разнообразность и освобождают личность от диктата базовых структур, допускают разнообразие социальных действий. «Побуждаемое потребностью обрести себя, наше «Я» погружается в бесконечную работу по освобождению, наблюдению и объяснению своей личности. Оно встретилось сегодня с «ранее невиданным разнообразием жизни, непрерывными изменениями в частной сфере, религиозных воззрениях и роли личности». Персонификация как поощрение разнообразия означает ломку устоявшейся в истории форму социализации, основывающейся «на минимуме строгости и максимуме желаний, минимуме принуждения и максимуме пони-

мания», когда «общественные институты ориентируются на мотивации и желания» [6. С. 11, 17, 19].

К характеристикам нового антропологического типа названные авторы относят «гедонистические ценности, уважение инакомыслия, свободу личности, раскованность, юмор и искренность, психологизм, свободу мнений. «Исчез мнимый ригоризм свободы, уступив место ценностям свободного развития интимных сторон личности, законности удовольствий, признанию своеобразных потребностей, подстраиванию социальных институтов под потребности людей». Новая личность возведена современным обществом в ранг высшей ценности, ибо признано ее своеобразие и неповторимость, право быть самой собой, наслаждаться всеми радостями бытия, «жить свободно, не подвергаясь принуждениям, от начала до конца выбирать свой способ существования» [6. С. 20].

Таким образом, антропологический образ, проинтерпретированный в характеристиках безличности и неидентичности, требует оговорок и дополнений, связанных с поисками новой идентичности. Результат этих поисков – возникновение, скорее, не безличностного состояния, но многовариативности человеческого проявления. Современный человек, утратив одномерность, раскрепостился в развитии, получил возможность свободного движения к свободно же выбранному идеалу. В образование пришла «многоликая личность», и оно обязано поддержать её многоголосие и способность адаптировать информационную смену истин и жизненных ситуаций.

Современное образование ориентируется не на единый и единственный образ, заданный как совершенный и абсолютный. Оно фиксирует разные и многие направления личностного восхождения к идеалам, в качестве которых больше не предлагаются внешне заданные принципы развития, подавляющие интересы отдельной личности. В образовании культивируется личностная способность самостоятельного ориентирования в сложностях и многовариативности современного мира. Личностные характеристики имеют одно общее основание и выражают один вектор изменений: отказ от единства и целостности и приобретение адаптивной и многоликой структуры. В современной литературе появилось как атрибут личностного существования новое понятие – «многоликое Я» [8]. Через введение контекстов у разных авторов оно варьируется: «Я – симуляр», «Я – знак» [9], «неопределенность Я», «игровое Я» [10], «неличное Я», [11] и др. Бесусущностное или многосущностное «Я» полагает необходимым видеть личность отпущенной в свободу, в реализацию возможности постоянной трансформации.

Итак, сегодня в образование приходит личность, для которой педагог не имеет в качестве готовых нормы, идеалы и образцы. Они подвижны и изменчивы, чтобы на них выстраивать педагогиче-

ское отношение. Педагог заводит юношу не в мир абсолютной истины, но в полиистинностный мир, и потому его задача — не указать на одну из них, но научить самоопределяться в предлагаемых вариантах и альтернативах.

Основным антропологическим ориентиром современного образования и современной педагогической деятельности становится стратегия самоопределения. Подобные педагогические практики, то есть практики, реализующие эту сущностную установку, сегодня квалифицируются как педагогика самоопределения. Задача — научить деятельности самоопределения, — встает как выражение и порождение образовательной специфики в ситуации быстрых изменений в знании и информации, полагающих возможность сосуществования на равных различных образовательных миров.

Поликультурность, полифония, плюрализм, многообразие, разногласие — все это характеристики открытости социальности и культуры. Обуславливая подобным образом образование, они и его создают как открытое. В данном аспекте открытость образования означает предложение не одной унифицированной образовательной стратегии и не единственной и не подлежащей изменениям педагогической концепции, но предложение и реализацию их во множестве и дифференцированности. Как в реальной жизни современный человек находится в постоянном процессе выбора между социальными и профессиональными мирами, так и в образовании ситуация плюрализма установок, траекторий развития и ориентаций формирует позицию выбора в освоения их в их множестве, поисков тех, что наиболее благоприятны для конкретного момента на конкретном жизненном пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Идея университета и топос мысли: Матер. конф., посвящённой 25-летию кафедры философии гуманитарных факультетов СамГУ. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. — 292 с.
2. Классический университет — инновационные школы: стратегические перспективы взаимодействия (опыт гуманитарного исследования) / Под ред. Г.Н. Прозументовой. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. — 262 с.
3. Попов А.А. Философия открытого образования: социально-антропологические основания и институционально-технологические возможности / Под ред. В.А. Суровцева. — Томск, Бийск: Издательский дом «Бия», 2008. — 279 с.
4. Цукер А.А., Чидарян А.П., Гуляева С.П., Вержицкий Г.А. Образ современного педагога: предварительные итоги социально-педагогического исследования // Сибирь. Философия. Образование. — 2001. — № 5. — С. 66–70.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сб. Пер. с исп. — М.: Радуга. — 639 с.
6. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. — СПб.: Алетейя, 2001. — 267 с.
7. Бодрийяр Ж. Соблазн. Пер. с фр. — М.: Ad Marginem, 2000. — 318 с.
8. Голобородова Т.Н. Феномен игры в культуре постмодерна: проблемы философского анализа. Автореф. дис. ... канд. канд. филос. наук. — Барнаул, 2000. — 21 с.
9. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Пер. с фр. Д. Кралечкина. — М.: Академический проект, 2007. — 335 с.
10. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность / Пер. с англ. В.В. Целищева. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. — 497 с.
11. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с фр. С. Табачниковой. — М.: Магистериум, Касталь, 1996. — 447 с.

Поступила 13.01.2009 г.